

На правах рукописи

Тимофеева Наталья Юрьевна

**Особенности функционирования креативных единиц
(на материале спонтанной речи жителей Крыма)**

Специальность 10.01.02 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Симферополь – 2021

Работа выполнена на кафедре русского, славянского и общего языкознания
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Петров Александр Владимирович

Официальные оппоненты:

Калинина Людмила Викторовна, доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Вятский государственный университет», кафедра русского
языка, культуры речи и методики обучения, профессор;

Жданова Елена Александровна, кандидат филологических наук, ФГАОУ
ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского», кафедра современного русского
языка и общего языкознания, преподаватель

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Защита состоится «2» 12.21 в 11 2 на заседании
диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский
государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород,
ул. Большая Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950,
г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 — и на официальном сайте
<http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан «20» сентября 2021 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творческий аспект употребления языка как отдельный предмет научного интереса был обозначен на этапе становления лингвистики в работах В. Гумбольдта, подчеркивавшего самопроизвольность и «стихийность» конкретного речевого выбора. В отечественном языкознании инновационный потенциал живой разговорной речи привлекает внимание научных школ Б. А. Ларина, М. В. Панова, Е. А. Земской, Н. З. Котеловой. Креативному аспекту звучащей речи посвящена глава монографии Е. А. Земской «Русская разговорная речь», в которой впервые использован термин «языковая игра». Проблематика, поднятая в исследованиях Е. А. Земской, пересекается с неологией, поскольку спонтанно созданные речевые единицы нередко закрепляются в узусе и пополняют словари новых слов. О непредсказуемости «судьбы» окказионализмов еще в середине XX века пишет при создании серии словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» Н. З. Котелова. По замыслу создателей этот тип лексикографического издания должен представлять «передовую линию» языковых изменений, в том числе и в сфере концептуальных сдвигов, как специфический индикатор языковых «вкусов» эпохи. Необходимость систематических наблюдений за изменениями в словаре своего языка обуславливает **актуальность** работы по фиксации результатов спонтанного словотворчества, их дальнейшему обобщению и классификации. Понимание механизмов лингвистической креативности может углубить знания об общих творческих процессах человеческого сознания, а также стать основой для разработки методик стимулирования таких процессов.

В ходе дальнейших исследований было сформировано новое направление – лингвистика креатива. Основные положения направления изложены в трудах Т. А. Гридиной, Л. В. Калининой, Т. В. Поповой, Л. В. Рацибурской, Е. Н. Ремчуковой, в которых обосновывается рациональность введения нового термина «креатив», позволяющего объединить профессиональное творчество писателей и поэтов с творческими

экспромтами живой речи. Проблематику креатива на современном этапе преимущественно рассматривают на материалах СМИ или городских текстов (работы Л. П. Амири, М. В. Голомидовой, Г. А. Ивановой, С. В. Ильясовой М. В. Радченко). Разговорному дискурсу посвящены отдельные работы В. К. Харченко, отмечавшей всеобщий характер словотворчества. Наиболее полное описание спонтанного словотворчества представлено в монографиях В. З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры» и Ю. О. Коноваловой «Языковая игра в современной русской разговорной речи».

Новизна представленного к защите исследования заключается в применении интегративного полиаспектного подхода к анализу единиц креативного характера в спонтанной речи жителей Крыма.

Объектом исследования являются речевые инновации – единицы нестандартного, творческого, креативного характера. **Предметом** исследования выступают внутрисистемные и экстралингвистические механизмы возникновения и функционирования креативных единиц в спонтанной речи крымчан.

Цель работы – провести комплексный структурно-сематический и прагматический анализ креативных явлений спонтанной речи и сформулировать принципы разносторонней классификации данных явлений на основе их структурных, семантических и прагматических особенностей с учетом дальнейшего прогнозирования их узуалиации.

Поставленная цель обуславливает выполнение следующих **задач**:

- сформировать корпус единиц креативного характера на основе записей спонтанной речи жителей Крыма;
- разработать принципы лексикографической фиксации креативных единиц спонтанной речи жителей Крыма с учетом контекстуальной обусловленности их содержания;

- установить степень отклонения (оказиональности) моделей словообразования в устной речи жителей Крыма от принятых системой, отграничивая явления потенциального характера от собственно креативных;
- проанализировать особенности семантики, в том числе и имплицитных составляющих, креативных единиц в спонтанной речи жителей Крыма;
- определить специфику референции и иллокуции креативных единиц спонтанной речи жителей Крыма;
- установить комплекс языковых и внелингвистических факторов, влияющих на функционирование и перспективу узуализации креативных единиц в спонтанной речи жителей Крыма.

Материалом исследования послужила картотека спонтанной речи объемом 840 единиц креативного характера, созданная на кафедре русского, славянского и общего языкознания в период с 2015 по 2019 гг.

Цель и задачи работы определили выбор **методов исследования**. В ходе исследования ввиду нестандартности материала широко используется **описательный** метод. При соотнесении индивидуальных новообразований с закономерностями системной деривации применяется метод **структурно-семантического анализа**, позволяющий выявить степень креативной индивидуальности речевой единицы и включающий элементы **компаративного** анализа. На отдельных этапах исследования возникает необходимость в **количественном** и **компонентном** анализе. Выявление особенностей функционирования креативных единиц в речи требует **коммуникативно-прагматического анализа** с учетом референциальной составляющей высказывания.

Теоретико-методологической основой работы стали труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам инновационных явлений. При анализе речевых процессов мы опираемся на классические работы в области речевой коммуникации М. В. Панова, Е. А. Земской, Т. Г. Винокур, теорию языковой игры Л. Витгенштейна и Е. А. Земской, теорию речевых

актов Дж. Остина и Дж. Серля, используем при анализе динамическую модель компонентов речевого высказывания Р. О. Якобсона, а также результаты исследований коммуникативной референции, выполненных Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелевым. Новаторский характер анализируемых явлений обуславливает использование положений теории неологии, изложенных в работах Е. А. Ждановой, О. А. Габинской, Л. В. Калининой, Н. З. Котеловой, Н. А. Николиной, Т. В. Поповой, Т. Б. Радбиля, Л. А. Рацибурской, И. С. Торопцева, И. С. Улуханова, а также теории окказиональности как части неологических исследований (труды В. П. Изотова, А. Г. Лыкова, Р. Ю. Намитоковой, Н. И. Фельдман, Э. И. Ханпира, Н. А. Янко-Триницкой). При исследовании процессов речевого взаимодействия важно учитывать их ареальную специфику, территориальную уникальность. Применительно к Крыму особенности полилингвальной ситуации изложены в трудах Г. Ю. Богданович, А. В. Петрова, Ю. Л. Ситько, Сунь Юйминь, И. В. Чепуриной, Т. А. Ященко.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятий *потенциализм, окказионализм, языковая игра*, установлении этапов апеллятивизации, а также в систематизации методов описания креативных единиц спонтанной речи в аспекте их возможной узуализации. Предлагается градуальный принцип классификации креативных единиц спонтанной речи относительно шкалы «потенциальность-окказиональность».

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения сформированной картотеки креативных фактов спонтанной речи в качестве банка данных для дальнейших наблюдений за живыми процессами изменения языка и разработки приемов прогнозирования языковых тенденций; в использовании полученных данных о механизме речевой креативности при разработке лингвокреативных и психологических методик активизации творческих ресурсов личности. Кроме этого, полученные результаты могут дополнить и разнообразить существующие приемы

обучения русскому языку, в частности – изучения его лексической системы и словообразовательных закономерностей.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования обсуждались на конференциях различного уровня: *на международных научно-практических конференциях и симпозиумах*: «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии» (2016–2018, Симферополь), «Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования» (14–15 декабря 2016 г., Симферополь), «Собственное имя в жизни литературы» (18 декабря 2018 г., Горловка); «Язык. Коммуникация. Культура» (20 апреля 2018 г., Москва); *на Международных научных конференциях*: «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении» (2017, 2018, Симферополь), «Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения» (19 сентября 2018 г.); *на научно-практических конференциях*: «Молодая наука» (2016, 2017, Евпатория, Ялта); *внутривузовских конференциях*: «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» (2016–2018, Симферополь), а также были заслушаны на заседаниях кафедры русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, изложены в 14 публикациях в научных сборниках, 7 из которых – из списка ВАК, одна – в научном издании, входящем в международную базу данных *Web of Science*.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и приложения. Первая теоретическая глава делится на два параграфа, в которых анализируется современное научное представление о категориях разговорности, спонтанности и креативности. Во второй главе исследуются особенности креативных единиц в аспекте словообразовательных закономерностей системы языка. В третьей – особенности креативных единиц рассматриваются с учетом прагматических факторов: пресуппозиции, языковых конвенций и механизмов референции. В заключении излагаются

результаты проделанной работы, намечаются перспективы дальнейших исследований. Приложение представляет собой алфавитный список креативных единиц и картотеку единиц спонтанной речи крымчан.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается ее новизна, определяются цель и задачи исследования, объект, предмет, материал и методы его анализа, определяется степень изученности проблемы, раскрываются теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе **«Теоретические основы изучения спонтанной речи в креативном аспекте»** рассматривается эволюция научных представлений о природе спонтанной речи с выделением дискуссионных вопросов в данной области знания. Глава состоит из двух параграфов в соответствии с этапами развития научных представлений о природе речевых инноваций.

В параграфе 1.1 **«Понятие спонтанной речи и специфика ее изучения»** представлен анализ научных исследований разговорной речи как исходной стихии языка, имеющей деятельностьную природу. Особый аспект коллоквиалистики задан исследованиями Б. А. Ларина в 20-е годы XX столетия, обратившегося к формам городских аргю. Развитие представлений о свойствах разговорной речи как особой подсистемы общенационального кода произошло в 60-е годы прошлого века и связано с деятельностью М. В. Панова и его школы. В работах Е. А. Земской доказывается автономность разговорной речи по отношению к системе функциональных стилей и существование особой устной нормы. Ученый впервые фокусирует внимание на креативном спонтанном словообразовании, обосновывая значимость исследования устного словотворчества для изучения языковых законов в целом.

Спонтанность рассматривается как фактор креативности, в тесной связи с непреднамеренным, произвольным характером устного словотворчества. При этом подчеркивается принципиальное различие

условий спонтанной креативности и целенаправленной работы с языком при создании художественных, публицистических и рекламных текстов.

В параграфе 1.2 **«Теория креативности и ее преломление в лингвистической теории окказиональности»** анализируется процесс формирования теории креативности в русле исследований творческих способностей человеческого сознания, включая этап изучения авторских идиостилей поэтов и писателей. Спонтанность устной речи признается фактором, стимулирующим креативное преобразование языкового знака.

Поскольку практика научного наблюдения за процессами живого общения сопряжена с вопросами лексикографической фиксации результатов, в параграфе рассматривается предложенная Н. З. Котеловой методика составления словарей неологизмов и ежегодников-обзоров новых слов и значений. В рамках указанной лексикографической проблематики обсуждаются теоретические вопросы о сущности понятия новизны и признаках окказионализма. Подчеркивается сформулированная О. А. Габинской гипотеза длительного «хождения» в узусе окказиональных единиц и их перехода в разряд неологизмов. Развитие этих положений приводит к выделению внутри окказионализмов слоя потенциальных слов – не закрепленных узусом единиц, возникающих по действующим в языке продуктивным моделям с разной степенью регулярности.

Таким образом предлагается учитывать фактор удаленности новообразования от системы в процессе классификации нестандартных единиц.

При анализе прагматической стороны высказываний, содержащих креативную единицу, исследуются интенции самих говорящих и условия совершения речевого акта. За основу анализа принимается концепция Р. О. Jakobsona о компонентах речевого акта и соответствующих функциональных доминантах. Иллокутивная составляющая позволяет отграничить явления эстетически ориентированной языковой игры от прагматически нагруженных креативных номинаций. С этой целью вводится

понятие «речевой креатив», подчеркивающий устную природу и объединяющий явления спонтанной окказиональности людической и номинативной природы.

Во второй главе **«Системный аспект функционирования креативных единиц в спонтанной речи жителей Крыма»** представлены результаты структурно-семантического анализа новообразований и их классификации в соответствии с развернутым выше теоретическим обоснованием.

Описание и классификация креативных единиц тесным образом связаны с вопросом их узуализации. При оценке перспектив узуального закрепления новообразования учитывается его деривационная активность и социальная востребованность его денотативного содержания. Первый критерий связан с продуктивностью использованной словообразовательной модели, а второй зависит от внеязыковых общественных тенденций. Так, стремление к социальной самостоятельности женского пола отражается в языке актуализацией потенциальных форм женского рода относительно системных номинаций мужского в парадигмах существительных со значением лица: *докторесса, нарциссиса, парламентарша*. Возникновение данных единиц на базе модели аффиксов *-ис/-есс-(а)* и *-ш-(а)* обуславливается, с одной стороны, активностью самой модели, а с другой – стремлением к социальному балансу в гендерном отношении.

Показателем закрепления единицы в узусе выступает ее деривационная активность: возникновение структурных производных, синонимов и антонимов, а также развитие новых значений на базе тропеических переносов. В ряду дериватов одного корня отмечается разная степень востребованности обозначаемых креативными единицами реалий: социально ослабленных (*селямствуите, саламирую*) и прагматически обусловленных (*Айфоныч, аймобила, айфобия, йогиня, йогнется, отйожилась*).

На основе рассмотренных критериев узуализации в исследовании предлагается модель лексикографического описания нестандартной единицы с выделением зон грамматического, лексического, контекстуального и словообразовательного комментария.

Деривационная продуктивность форманта определяет расположение речевой единицы на шкале системности: единицы, образованные с помощью малопродуктивных или единичных формантов, квалифицируются как окказиональные, созданные по высокопродуктивным моделям как потенциальные. Материалы исследования демонстрируют традиционную активность формантов русских существительных: *-к-(а)*, *-ник-*, *-шк-(а)* и глаголов: *-и-(ть)*, *-ну-(ть)*, *-ова-(ть)*, *-ирова-(ть)*, *-нича-(ть)*. Внутри группы новообразований с данными аффиксами могут быть выделены подгруппы в зависимости от типа нарушения системных закономерностей.

Незначительным нарушением модели представляется изменение лексико-семантической группы производящей основы. Особенно если это семантическое смещение связано с выделением таксономического подвида внутри группы: *Ну, что вам сегодня замультиварить?* и с тем же значением при помощи форманта *-ирова-(ть)*: *Ты сам готовишь? – Я микроволнирую.* Возникновение подобных однословных номинаций обусловлено наличием синтаксически объективированного смысла 'готовить в мультиварке или микроволновке'. Практически такая же степень окказиональности устанавливается при образовании единицы *гитарить*: *Присоединяйся! Будет весело, будем у костра гитарить.* Производящая основа называет не орудие, а музыкальный инструмент, при этом сохраняется общее значение модели и остальных ее компонентов. Высокой степенью системности отличаются единицы *экскурсоводить* и *хамелеонить*: *Она уже несколько лет назад ушла на пенсию и сейчас экскурсоводит по Крыму в свое удовольствие / Парень меня хочет с родителями познакомить. Я волнуюсь, что не понравлюсь: они у него строгие, а хамелеонить как-то некрасиво.* Данные единицы также созданы с помощью форманта *-и-(ть)*, но в рамках иной лексико-

семантической группы мотиватора – названий лиц. С соблюдением модельных параметров созданы в речи и глаголы *чехардить* и *фестивалить* со значениями ‘находиться в состоянии, названном существительным’ и ‘совершать действие, обычное для места, названного существительным’: *Сообщение не пришло. Компьютер что-то чехардит* / *В общем, до самого утра мы в этом клубе фестивалили*. Не нарушает деривационной модели новообразование *ярчить*: *Не ярчи, чтобы не привлекать неприятности* (замечание относительно интенсивности макияжа). Креативный глагол пополняет класс аналогичных системных единиц *чернить*, *белить*, *синить* со значением ‘наделять качеством, названным производящим прилагательным’.

В результате систематизации шкала новообразований глагольных дериватов, образованных с участием форманта *-и-(ть)*, приобретает следующий вид:

витаминиться				
гитарить	запитонить	цукатиться	расклубочить	ширпотребиться
замультиварить	захомячить	раздружиться	червоточить	
микроволнизовать	облимонить			
фестивалить	чехардить			
хамелеонить				
экскурсоводить				
ярчить				

Принцип расположения на шкале отражает соответствие единиц модельной схеме форманта с постепенным проявлением несистемных признаков в группах слева направо. В качестве факторов, ослабляющих параметр системности, выступают отклонения от лексико-семантической группы или лексико-грамматического разряда производящей основы, изменение деривационного значения производного, наличие у потенциальной единицы семантических эквивалентов в языковой системе, метафорическая основа номинации. Фактором, усиливающим потенции к узуализации новообразования, становится наличие социально значимых условий для его создания.

Специфически разговорные суффиксы *-ач-*, *-айк-*, *-шк-(а)*, *-ищ-(е)*, *-ус-(я)*, *-ух-(а)*, *-ук-* используются реже традиционно продуктивных. Отмечена

активизация суффикса *-ыч-* при онимизации нарицательных существительных. В результате проведенного анализа подтвердилась точка зрения Е. В. Огольцевой относительно словообразовательной продуктивности моделей с отвлеченным значением, а также целесообразность использования термина «потенциальное слово» или «потенциализм» в качестве обозначения речевой единицы, не закрепленной в узусе, но имеющей высокий потенциал для такого закрепления.

Из 161 способа русского словообразования, выделенного В. П. Изотовым, в результате наблюдения за живой спонтанной речью крымчан были выявлены 32 способа. К фонетическим способам словообразования относятся примеры сегментного тмезиса (протеза и эпентеза), сегментного уменьшения (синкопа), перестановки сегментов (метатаза) или субституции сегментных единиц. Из морфологических способов выявлены суффиксация, префиксация, постфиксация и их комбинирование между собой, а также депрефиксация, парадигматизация, сингуляризация, плюрализация и морфемный тмезис. Лексические способы представлены сложением, гендиадисом, редупликацией, регенерацией, субституцией (*глаз-алмаз* → *глаз-топаз*), лексическим тмезисом; синтаксические – слиянием и голофразисом. Из способов семантической деривации наиболее активны в разговорной речи метафоризация и апеллятивизация.

Окказиональными способами словообразования считаются контаминация как разновидность сложения и эмансипация компонента фразеологизма. По совокупности результатов, представленных в нашем материале, частотность использования контаминации превосходит частотность узуального сложения в два раза. Внутри группы контаминантов выделяются подгруппы, созданные междусловным наложением (с общей частью для обоих производящих: *замечтательно* (*замечательно* + *мечта*), *индигредIENTы* (*индийские ингредIENTы*), *картрюфель* (*картофель* + *трюфель*), *нигеракл* (*нигер* + *Геракл*), *ночер* (*ночь* + *вечер*), *очерга* (*очередь*

+ *черга* (укр.)), *своббота* (*свобода* + *суббота*), *шаурмяу* (*шаурма* + *мяу*), *итрудень* (*итрудель* + *день*)) и агглютинацией (без общей части: *котопотам* (*кот* + *гиппопотам*), *Лондольцо* (*Лондон* + *кольцо*), *мильдониада* (*мильдоний* + *олимпиада*), *огрызкофон* (*огрызок* + *телефон*), *тупеец* (*тупой* + *путеец*), *Симферопыль* (*Симферополь* + *пыль*), *бурситет* (*бурса* + *университет*)). Некоторые из перечисленных контаминантов могут быть отнесены к окказионализмам, образованным субституцией или тмезисом, ср.: *замеч^тательно*, *Симферопо^бль*, *ин^дгредииенты*. Неоднозначность мотивации рассматривается как фактор усиления окказиональности единицы. Немаловажным в образовании речевых окказионализмов оказывается стилистический фактор, когда новообразование создается с целью снижения нейтрального регистра общения до фамильярного.

При спонтанном словообразовании в устной речи отмечается частотность глагольной деривации ввиду широкого спектра сочетаемости форманта *-и-(ть)*, активность словообразовательных моделей аффиксации, широкая практика образования новых слов посредством традиционного сложения и его окказиональных разновидностей – контаминации, голофразиса. Паронимическая аттракция может быть рассмотрена как фактор мотивирующий в окказионализмах структурную субституцию различной протяженности. Материалы настоящего исследования демонстрируют низкую активность чистой префиксации. В устной речи преобладает тенденция к компрессивности, в первую очередь предикативного типа – путем контаминации имени и характеристики объекта, процессуализации имен, универбации описательных сочетаний. Тенденции к номинативной компрессии обуславливают также нарушение последовательности словообразования (пропуск словообразовательной ступени) и параметра частеречной принадлежности производящей основы.

Морфемная комбинаторика может сопровождаться семантическим переносом: *Хватит швейцариться, скажи что-нибудь!* Имеется в виду действие, подобное поддержанию политического нейтралитета *Швейцарией*.

Метафорический перенос сопровождается апеллятивизацией производящего онима, поскольку признак ‘поддерживающий нейтралитет’ имеет периферийный статус в системе значения слова *Швейцария*.

В некоторых случаях интерпретация нестандартной единицы возможна только при привлечении контекста: *Поддай мне лентяйку, канал переключить*. Окказионализм образуется нестандартно, совмещая в своей семантике действие (*лентяйничать*) и орудие, косвенно помогающее действию (*пульт дистанционного управления*). Подобные семантические дериваты отличаются высокой степенью субъективности и, соответственно, невысоким потенциалом узуализации.

Наиболее продуктивным типом семантической деривации в спонтанном словообразовании является метафорический перенос по форме. Данным приемом образованы нарицательные существительные и неофициальные урбанонимы и топонимы Крыма.

В результате семантической деривации в спонтанной речи образуются имена существительные и прилагательные. Основным типом возникновения у существующей языковой единицы нового значения является тропеический перенос и апеллятивизация. В редких случаях наблюдается использование онимизации, в том числе в комбинации с аффиксальными способами. Этот подвид деривации отличается слабой мотивированностью. Если в случае с единицей *Баян Баяныч* осуществляется метонимический перенос названия инструмента на имя человека, им владеющего (школьное прозвище учителя музыки), то для единиц *Валерыч* (таблетка валерианы) и *Айфоныч* (смартфон фирмы Айбиэм) изменение грамматического класса номинации при сохранении референции к одному и тому же объекту действительности представляется необоснованным.

В третьей главе **«Прагматический аспект функционирования креативных единиц в спонтанной речи крымчан»** рассматриваются особенности креативных единиц в аспекте их соотношения с действительностью. Успешность коммуникации обеспечивается

соблюдением принципов доверия, ясности и краткости, установленных П. Грайсом. Выполнение условия ясности невозможно без идентификации референта высказывания для обеих сторон коммуникации. Понятие референции оказывается в этом случае связующим звеном между семантическими потенциями языкового знака и его конкретной актуализацией в определенном контексте. В структуре референтного значения выделяются фиксированные и модифицированные компоненты – презумпция (пресуппозиция) и ассерция. Презумпция рассматривается как условие истинности высказывания, без выполнения которого невозможно понимание. Таким образом, становится очевидной роль апперцепционного фона в спонтанной речи. Вне информации, связанной с пресуппозицией, необъяснимо обращение деда к внуку: *Ну что, **замотайло**, кушаешь?* Нестандартная отглагольная номинация связана с привычкой внука заматывать начинку в блинчик. Эстралингвистически обусловлена и функция номинации *парламентерша*, которую применяет бабушка по отношению к внучке, чтобы узнать настроение обиженного внука: *Пойди, посмотри, что там брат делает. Ты у меня **парламентерша***. И в первом, и во втором случае особенности пресуппозиции связаны с повторяющимися ситуациями между близкими людьми и потому многие компоненты смысла вербально не манифестированы.

При отсутствии общего апперцепционного фона восприятие окказиональных единиц требует сопроводительного комментария, как, например в диалоге матери и дочери: – *Плохо в **перемысле**. Мы с ней так называем ее приступы веселья.* – *В каком еще **перемысле**?* – *Ну в **переносном смысле**.* Креативный контаминант затрудняет референцию, поскольку реципиент, не имеющий опыта использования креативного знака, вынужден уточнять его смысл.

Значение пресуппозиции при интерпретации креативной единицы значительно возрастает в случаях семантического переноса: *ваганьковские, джамшуты, пупырка, Фредди Крюгерша*. Для толкования подобных

дериватов составляющими пресуппозиции выступают элементы общекультурной или субкультурной информации: знания о Ваганьковском кладбище, героях сериала «Наша Раша», мультсериала «Время приключений», фильма «Кошмар на улице Вязов».

Для спонтанной речи характерна индексальная референция. Чаще всего операторами референциальных отношений выступают личные местоимения: *Но **вы** же не малыши, а **взрослыши*** (об учениках старших классов); *Ты, что думаешь, что **я** **дубишка**!? / Сама **ты** **нытка**! Какая **ты** у меня **остроумница**!* Подобные индексы «привязывают» номинацию с довольно широким экстенсионалом (ср.: *нытка* – все девочки, которые ноют, *взрослыши* – все ученики старшей школы) к конкретному участнику диалога (*я / ты / вы*).

Присутствие референта высказывания в момент речи индексируется указательными местоимениями, частицами или наречиями актуального времени: *Пойдем дальше, поищем другую, а то **эта** без **откидушки*** [о скамейке в парке]; *А у них **тут** новую **коврожку** постелили* [о ковровой дорожке в театре]. Локализатор предиката наречие *тут* определяет однократность ситуации.

Определенная референция может устанавливаться остенсивно: *Посмотрите, какой у меня **бровикюр**!* – восклицает девушка, выходя с накрашенными бровями к близким; *И еще вот этих **дистрофичных** помидорок положите* – обращается с жестом к продавцу покупательница на рынке; *Ну ты и **волосницы** себе нарастила!* – удивляется девушка, глядя на чрезвычайно длинные (как волосы) ресницы сестры. В этих и других примерах возникновение номинации связано с физическим присутствием объекта речи в конситуации.

При возникновении затруднений с установлением референции в высказывания, содержащие окказионализмы, может вводиться дескриптивное описание: *У каждого есть **задушевные** друзья – те, кто так и норовят*

*задушить / Знаешь кто такой **БОМР**? Вот это я – без определенного места работы.*

Механизм абстрагирования свойств определенного референта креативной единицы может сопровождаться инкорпорированием в интенционал известного класса субъективно значимого свойства: *Это ужас, этот **центрошатник**, такое столпотворение – не пройти!* (о центральном рынке) / *У меня есть **подруга-телефоня**. Ее в реальную жизнь не вытащишь.* При неизменности основного содержания интенционала некоторые из свойств класса получают логически закономерное, но прагматически неоправданное выдвижение – такими в приведенных примерах являются праздное шатание на рынке отдельных граждан и чрезмерное увлечение телефонным общением.

Наблюдается и обратный механизм, когда свойства класса становятся идентификатором определенного денотата. Этот тип референции характерен для наименований неизвестного лица по типу занятий: *А этот **глазнюк**! Ишь какой! Один раз в неделю принимает и то с 9 до 12. Вот как к нему попасть?!* / *Две недели эту посылку ждал, а этот **подиштальяник** не в ту квартиру ее отнес / **Филологинь** не спрашивали.* Несмотря на наличие указателей определенности (*этот, эти*), референты креативных единиц устанавливаются через общий интенционал класса: врач-офтальмолог, работник почты, филолог. Временная определенность предиката (*принимает, отнес*) указывает на единичность объекта референции при обобщенности набора его характеристик.

В спонтанной речи отмечается прагматически не обусловленная тенденция замены системной единицы креативной: *грустинка, кавенька, картофан, краснощечки, медведята, огрызкофон, отдыхайки, петруган, подружайки, скользота, хлебобублочные.* Для каждой из этих нестандартных единиц в узусе есть аналог (*грусть, кофе, картошка, краснощекий, медвежата, айфон, отдыхающие, петрушка, подружки, гололед,*

хлебобулочные), структурное изменение которого не влияет на механизм референции.

Если речевой креатив не содержит субъективной оценки и сохраняет стилистическую нейтральность, то устанавливается референция к открытому множеству, не имеющему однословного названия. В подобных случаях креатив может рассматриваться как потенциальное имя данного множества. Некоторые из указанных номинаций относятся к названию лица по профессии или привычкам: *бойлерист, вязайнер, маячник*, другие – к разряду конкретных существительных: *дырчик, спотыкач, мальвинник*. Открытость множеств подчеркивается отсутствием местоименной индексации: *Нам долго еще бойлериста ждать? / Нет, на дому вязайнером работаю*. По референциальному и ономаσιлогическому параметрам представляется закономерным классификация данных единиц как потенциальных названий класса.

Небольшое количество метафорически употребленных имен имеет определенную идентифицирующую референцию: *Ну весь наш бомонд приближенных к ректору выступил, а мы так просто отсидели / Пойдемте в дом, а то вертолеты разлетались – Да, пойдем, ненавижу этих кровопийц* (о комарах) / *Дайте мне крокодилы* (о стоматологических клещах). Референциальные механизмы при этом различны: единица *бомонд* имеет при себе развернутую дескрипцию – *приближенных к ректору*; идентификация метафоры *вертолеты* устанавливается посредством общекультурного апперцепционного фона через коррелирующую единицу *кровопийцы*; номинация *крокодилы* имеет презумптивный компонент в профессиональной среде.

Креативное преобразование семантики имени собственного происходит при апеллятивизации, которая сводится к постепенному абстрагированию отдельных свойств единичного референта онима и их постоянным закреплением за знаком (см. приведенные выше примеры *Пупырка* и *Фредди Крюгерша*). Прямые отождествления референта

высказывания с носителем имени собственного имеют, как правило, иронический характер и содержат имплицитное отрицание, ср.: *Тоже мне Колумб! Потише едь, Шумахер! Ох, и Герахля!* = *Вообразил себя Колумбом, Шумахером, Гераклом! В последнем примере эта имплицитная составляющая актуализирована в семантике второй части контаминанта – *рохля*, антонимичной по отношению к использованному в препозиции ониму *Геракл*.

При онимизации наблюдается обратный процесс – замена имени класса именем собственным: *Кушай меньше люляшек, а то Люляшковой станешь* (класс любителей люля-кебаба); *Я отключаюсь. Подъехала моя Марфа* (класс маршрутных такси); *Хинкалыч, это потрясающе!* (класс мастеров приготовления хинкали). Контрастность функций креативного деривата и нарицательного производящего усиливается при использовании онимизации по отношению к предметам (*Марфа, Валерыч*). При этом онимизация носит метаязыковой характер, так как замена имени нарицательного собственным не влияет ни на экстенциональные, ни на интенциональные характеристики класса: референт онима не получает статуса уникального субъекта и выполняет не идентифицирующую, а стилистическую функцию (ср. закрепление данного приема спонтанной речи в городских эргонимах «*Старик Хинкалыч*», «*Диван Диваныч*»).

Замена личного имени креативным имеет арготивную основу: используется в речи с целью сокрытия референта для третьих лиц. *Катарсис, маринадик* в языковой системе относятся к нарицательным именам, тогда как в дружеско-семейном обиходе в результате паронимической аттракции могут выполнять функцию имени собственного: *Катарсис* [Катя], *привет. Пойдем сегодня в кино?/ Маринадик* [Марина], *ты со мной или позже приедешь?* Арготивность креативных онимов сближает их с неофициальными топонимами, интерпретация которых может зависеть от наличия знаний другой культурной эпохи как, например, каламбурная переноминация района Севастополя *Учкудуевка*.

Функции креативных глаголов связаны с категорией темпоральности. Превалируют формы актуального времени, соответствующие ситуации *ad hoc* живого общения, но актуальность не всегда вербализована. Так, у предикатов *минусеет* и *шуруют-муруют* актуальность оформляется конситуацией, ср.: *В зимний крымский день женщина подходит к окну и говорит, глядя на снижающийся столбик термометра: «Минусеет»;* *Наблюдая движение в коридорах факультета после защиты курсовых проектов, преподаватель отмечает: «Шуруют-муруют студенты...».* Вне контекста временная локализация данных действий, выраженных креативами, может быть неопределенно расширенной (ср.: **Уже который день минусеет. *Как ни выйдешь в коридор, там шуруют-муруют студенты*).

У одной трети всех зафиксированных глагольных креативов актуализируется значение перфектности, что отражает общую тенденцию в современном глагольном словообразовании, в основе которой экспрессивно-прагматический потенциал категории вида: *Я поднаелся, теперь хочу на катамаран / Как хорошо, будто морьнуло в лицо.*

Характерные для текстовых нарративов креативные формы относительной темпоральности фиксируются в спонтанном диалоге реже: *Что-то я конкретно напрягнулся, когда он дошел до моей фамилии / Как приедем домой – первым делом надо будет таблетку юзнуть.* Немногочисленны и случаи творческого словообразования глаголов в значении условной и интенциональной модальности: *Если что-то забыл, просто джемься / Если помучиться, всегда что-нибудь можно сколхозить / Мне нужно обнулиться, забыть его и жить дальше.* Ограниченность креативных усилий при обозначении обобщенного факта, нелокализуемого во времени, может быть обусловлена стилистическим «конфликтом» между содержательно нейтральным значением абстрактного времени и экспрессивно маркированным окказионализмом.

В спонтанной речи имеют место обобщения эпизодических действий, когда предикативные конструкции характеризуют некое действие вне временного контекста: *Зачем так **граммофонить**? / Стоит **налаковиться** хорошенько, проходишь с прической два дня.* Свойство новообразований выражать обобщенное значение действия как системного состояния мира может быть принято в качестве основания для их узуализации.

Для исследования функциональных особенностей креативных единиц спонтанной речи предлагаем учитывать иллокутивную направленность высказывания. Типы иллокуции сводятся к разграничению информационной и фатической направленности коммуникации. Введение в высказывание креативного элемента служит, в силу его повышенной экспрессивности, усилению реализуемой функции. Аффективная направленность речи на слушающего в наиболее чистом виде реализуется в высказываниях директивного характера: ***Пardonьте**, мадам, это маршрутка, а не президентский люкс / Ты не **умнякай**, пойдем лучше посидим в кафе.*

Второй по значимости функцией высказываний с креативными единицами является эмотивная, направленная на выражение личности говорящего: *Нет, у бабушки полный живот **напирожила** / **Разминдальничалась** я с вами / **Сэмоционировала** от души.* Оценочный элемент презентует картину мира адресанта, которая в большей степени субъективна, чем пропозициональное утверждение.

Фатика как самостоятельная интенциональная область речевой деятельности имеет весьма разнообразные средства выражения. Прежде всего к этой области относятся формулы речевого этикета, вводные слова и конструкции, а также некоторые единицы, структура которых смещает коммуникационный фокус с содержания на форму его выражения (*бедасечка*), а номинативная функция – оказывается вторичной по отношению к фатической.

Фатическая направленность речи выражается посредством контаминантов разноразличных основ *алейкум-привет, баласенок, баларики,*

Колотун-баба, саламирую, хапалушка, ярым-попалам, яхишибись, возникающих в результате межнационального взаимодействия.

Разграничение высказываний по иллокутивной направленности позволяет точнее установить специфику языковой игры, направленной на демонстрацию возможностей языка и умение говорящего ими креативно оперировать. Непосредственно поэтическая функция креативных единиц реализуется при референции к вымышленному денотативному пространству: *Для влюбленных по вечерам катамараны превращаются в катароманы, на которых после у этих молодых людей рождаются катаРоманчики.* Семантика контаминанта нарицательного и собственного имен существительных *катаРоманчики* не поддается точному определению, а референция не имеет определенного денотата (дети с именем Роман?).

К языковой игре могут быть отнесены креативные результаты субституции или тмезиса: *мужик – музык, ВАзик – тазик, красивая – крысивая, степлер – сцеплер*; некоторые креативные переноминации, референциально тождественные системному аналогу: *Валерыч, Прикол Приколыч*; результаты структурного переразложения системной единицы (гетеросемии): *задушевные, обеспечение, пончик, селезенка, фломастер*; результаты гендиадиса: *едрит-кудрит, кофе-пофе, обэхаэс-махаэс, узи-музи*. Референция высказываний с данными креативами устанавливается опосредованно – через соотнесение структуры новообразования с системным знаком. Произвольность словообразования, как наиболее характерный признак творческого импульса, наблюдается при трансемии – переносе значений на основе паронимической аттракции: *Балаклава → баба Клава, башка → башкортостан, кроссовер → кроссотка*. К языковой игре могут быть также отнесены креативы, созданные непродуктивными синтаксическими способами, такими, как голофразис (*Надеждакомпасмойземной*) и разливание (*Осень нас тупила*), поскольку синтаксическое «утяжеление» номинации противоречит принципу экономии речевых усилий.

Не следует относить к языковой игре переноминации жаргонного типа, произвольно меняющие значение системной единицы (явление гипосемии в терминологии В. П. Изотова), такие, как синонимичные новообразования *баян* и *бока* ('нечто, неуместное, неловкое, неудобное'), *бурса* ('ПТУ'), *желтуха* ('желчь'), *стамеска* ('эсэмэска'). Подобные новообразования создаются в рамках формирования закрытого, арготивного подтипа языка, функционально отличного от языковой игры.

Выявление поэтической функции в высказываниях, содержащих окказионализмы, сопряжено с установлением референции нестандартного знака и определением иллокутивной направленности высказывания. Креативные единицы, создаваемые на основе системных и не меняющие при этом семантических или функциональных характеристик своих мотиваторов, представляют примеры языковой игры. Игровые формы словообразования, как правило, ориентированы на вымышленное денотативное пространство и прагматически ослаблены. Такие факты языка отражают желание говорящего не только использовать языковую систему, но и «воздействовать на язык», подобно творцам художественного слова.

В Заключении диссертации подводятся итоги научного исследования и намечаются его перспективы.

Применение интегративного анализа при изучении особенностей функционирования креативных единиц в спонтанной речи позволило апробировать приемы их классификации с позиций системности и прагматической обусловленности. Проведенное исследование показало, что к параметрам узуализации относятся деривационные, референциальные отношения новообразования, а также фактор его социальной обусловленности. Соответственно типам нарушения модельных параметров выделено семь степеней системности креативных единиц. При информативной направленности дискурса денотативное пространство является релевантным для всех участников коммуникации и ориентировано на общность их пресуппозиционных установок. Референция к открытому

классу объектов указывает на прагматический характер новообразования: знак используется для однословной номинации существующего типа явлений. Иллокутивный аспект языковой игры и метаязыковых операций связан с демонстрацией возможностей языкового знака и системы в целом, а также с реализацией личности говорящего, выражением его субъективной оценки действительности.

Анализ креативных единиц спонтанной речи в прагматическом аспекте позволил не только расширить способы классификации креативных единиц спонтанной речи с учетом референциальных показателей, но и отразить взаимосвязь намерений говорящего с конвенциональными установками и потенциями языка.

Список сокращений содержит полные названия использованных в тексте работы аббревиатур. Список использованных источников включает 245 наименований, из которых 229 относятся к **Списку литературы**, 12 – к **Списку использованных словарей** и 3 – к **Списку интернет-сайтов**. **Приложение** включает в себя картотеку креативных единиц спонтанной речи крымчан и состоит из Алфавитного списка креативных единиц и их контекстного описания в соответствии со списком.

Основные положения научного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в периодических изданиях, включенных в международную базу данных Web of Science:

1. Abzhelieva D. A., Dubkova J. S., Nasibullaeva E. R., Petrov A. V., Timofeeva N. Y. Image tools of using poem in spontaneous speech // Periodico do Nucleo de Estudos e Pesquisas sobre Genero e Direito Centro de Ciencias Juridicas Universidade Federal de Paraiba. – V. 9. – № 3. – 2020. – Special Edition. – Pp. 616 – 630.

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК:

2. Тимофеева Н. Ю. Аспекты исследования креатива городской речи // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 33(1). – С. 102–108.

3. Тимофеева Н. Ю. Факторы креативного преобразования потенциальных форм: подходы к классификации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 1. – С. 134–142.

4. Тимофеева Н. Ю. Иллокутивная направленность и референциальная специфика языковой игры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 451–463.

5. Тимофеева Н. Ю. Особенности фиксации речевого креатива в текстовом пространстве урбанонимов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4. – С. 77–83.

6. Тимофеева Н. Ю. Референциальный аспект апеллятивизации в сравнительных конструкциях устной речи // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – № 4. – С. 112–118.

7. Тимофеева Н. Ю. Приемы образования неофициальных крымских топонимов в устной речи // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 200–204.

8. Тимофеева Н. Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 5–9.

Научные статьи и материалы, опубликованные в других изданиях:

9. Тимофеева Н. Ю. Степень новизны спонтанного креатива // Молодая наука: сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 427–428.

10. Тимофеева Н. Ю. Креативное выражение аксиологического содержания в городской речи // Молодая наука: сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 393–395.

11. Тимофеева Н. Ю. Креативные инновации в межкультурной коммуникации // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: Тезисы докладов участников международной научной конференции. – Симферополь: Крымский федеральный университет, 2018. – С. 50–52.

12. Тимофеева Н. Ю. Интегративное описание речевых инноваций // Язык. Коммуникация. Культура – 2018: Альманах научных статей молодых ученых. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 121–124.

13. Тимофеева Н. Ю. Референциальный аспект употребления онимов в устной речи: этапы апеллятивизации // XII Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (19 сентября 2018 г.): Материалы конференции / отв. ред. Калинин В. М., Петров А. В. – Симферополь, 2018. – С. 38–43.

14. Тимофеева Н. Ю. Деривационные ряды речевых инноваций // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность: VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сборник научных статей. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 279–286.